

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРЕДЕЛЬНОЕ ОБРУШЕНИЕ ВЫСОКОГО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОПЫТАХ ПУШКИНА

О.И. Валентинова

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В этой статье методологические основания разрабатываемой автором концепции причинной типологии, изучающей изменение сознания по характеру изменения соотношения знака и значения, реализуются в исследовании исключительно значимого для понимания русской культуры эмпирического материала — исторически новых контекстов, возникающих в литературной практике А.С. Пушкина. Предложенный автором алгоритм действий приводит к существенным выводам: необратимый характер изменения сознания выражается в изменении принципа организации семантической структуры слова, что семантическая структура языка и слова отражает резкую редукцию этического начала в светском сознании.

Ключевые слова: крах средневекового слова, смысловая трансформация сакрального знака, смыслоизменяющие контексты, нарушение сочетаемости.

Введение. В этической ясности средневекового бытия понятия отбора не существовало: у духовного и обыденного не было точек пересечения, а значит, не было и возможности выбора тех или иных средств для их обозначения [1; 2]. Возвышенное и повседневное не смешивалось. Предопределенность в обозначении горнего и мирского была основанием средневекового миропонимания. На смену этической целостности семантической структуры древнерусского слова, когда покрытие духовного и плотского содержания одной и той же буквенно-звуковой последовательностью (одним и тем же знаком) исключалось, приходит эпоха светского мировосприятия. Литературные опыты Пушкина приведут к предельному обрушению высокого.

Определение масштаба и вектора смысловой трансформации. Пушкин создает контексты, разрушающие семантическую структуру высокого слова. Заданное теснотой синтаксических связей семантическое взаимодействие высокого и низкого осуществляется только в одном направлении: низкое вытесняет высокое. Теперь одним знаком равно покрывается сакральное и светское, достойное и недостойное, духовное и плотское, высокое и обыденное. Мера повреждения про-

ясняется только через возможно более полное восстановление первичного высокого понятия. Чтобы оценить масштаб смысловой трансформации, например, слова «духовник» в немыслимом прежде взаимодействии этого слова с определением «лукавый», необходимо выйти за границы очерчиваемого толковыми словарями лексического значения этого слова: ‘духовный отец, исповедник, священник, которому исповедуются в грехах своих’ [4], ‘священник, принимающий исповедь у кого-либо постоянно’ [5], — и возобновить смыслы понятийного уровня:

— священник — тот, кто получает в таинстве Священства особую благодать Святого Духа;

— благодать — Божественная сила, которую Господь посылает человеку для спасения его души и преодоления греховных помыслов;

— благодать, подаваемая в таинстве Священства, облакает посвящаемого особой духовной властью руководить верующими в исполнении нравственного христианского закона, совершать таинства;

— преподанная благодать пребывает со священником неизменно;

— божественность установления таинства священства засвидетельствована Священным Писанием и Священным Преданием;

— священство, исповедь — таинства, как и крещение, миропомазание, причащение, венчание, елеосвящение, священные символические действия, через которые невидимо для человека ему передается благодать Святого духа и осуществляется связь человека с Богом.

— тот священник, которому верующий доверяет руководство своей духовной жизнью и совершение таинства исповеди, становится духовником;

— духовник получает право освобождать человека от уз греха;

— не каждый священник готов стать духовником;

— основные качества духовника — смирение, рассудительность и любовь;

— духовник не только направляет духовную жизнь своего чада, но и утешает, и помогает советом, и молится за него, т.е. обращается к Богу с просьбой о милости, прощении, отращении зла от своего духовного чада;

— под опасением потери духовного сана духовнику запрещается открывать грехи исповедующегося или укорять его за них —

и далее, и далее, и далее, раскрывая и уточняя каждый возникающий в объяснении смысловой элемент.

Чем полнее мы восстановим содержание высокого понятия, тем ощутимее станут и непрерываемая взаимосвязанность духовных смыслов, и их катастрофическое обрушение, следующее за нарушением привычной для средневековья сочетаемости высокого с высоким.

В лицейском стихотворении 1815 г., которое было написано Пушкиным как ответ на напечатанное Дельвигом в «Российском музее» восторженное послание «Пушкину», выражение «лукавый духовник» — часть перифрастического обращения к другу:

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник...

Правда, не Дельвиг и его поэтическое дарование оказывается смысловым центром стихотворения Пушкина, а творческое призвание самого автора:

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.
Жуковский, наш поэт,
На то мне дал совет
И с музами сосватал.

Но оставаясь на смысловой периферии стихотворения, выражение «невинных муз лукавый духовник», повреждает эпицентр высоких смыслов русского литературного языка, хотя общее значение этого выражения, обозначающего всего-навсего поэта, лежит на первый взгляд вне этики: ‘тот, веселый и игривый, кому вдохновение доверяет свои секреты’. И все же одушевляющая стихия поэзии порождает не отвлеченные значения, а образы: обретая в соединении с эпитетом телесность, музы (*невинные* музы) перестают быть условными, символическими обозначениями вдохновения и искусства. Но не возбуждение переживаний античности становится свидетельством свершившейся глубинной трансформации сознания русского человека, а тот разрыв знака со значением в слове «духовник», который достигается соединением вырванных из этических противоположностей сущностей — *духовник* и *лукавый*. Предельная мера синтаксической зависимости в согласовании обеспечивает предельную интенсивность смыслового напряжения, которое — при сочетании высокого и низменного — *оборачивается жестко направленной трансформацией высокого слова*: низкое подавляет высокое. Низкое сохраняется. Высокое разрушается.

Линейные условия смысловой трансформации. Смыслоразрушающий потенциал синтаксически сильной связи оказывается столь мощным, что высокое слово вовлекается в процесс саморазрушения. Линейные отношения выводят этически значимые слова за пределы устоявшейся сочетаемости.

Условия ближайшего контекста таковы, что независимо от того, было ли уже сформировано и усвоено светское значение слова «лукавый» — ‘исполненный веселого задора, игривости’ [5] или это слово, связываясь в сознании с молитвой Господней (*нѣ избаві нѣи ѡт(ъ) лжквалго*), вызывало прежде всего представления о враге рода человеческого и возбуждало исторически предшествующие значения: ‘хитрый и умышленный, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворчивый, двуличный и злонамеренный’ [4], в стихотворении Пушкина будет возобновлено этически значимое значение. Без возобновления этически значимого значения слова «лукавый» и высокое значение слова «духовник» не было бы разрушено так бесповоротно. Без синтаксически сильной связи слова «лукавый» со словом «духовник» невозможно было возбудить этически значимое значение слова «лукавый». Соединение слова «лукавый» с

этически нейтральными словами (*лукавый взгляд*, *лукавые глаза*) возобновления этически значимого значения ‘коварный, злой’ могло бы и не дать.

Порождаемые поэтом контексты обладают столь мощной смыслоизменяющей силой, что изменяется не только семантическая структура слова в силу формирования в условиях нового контекста новых значений, а самый принцип организации семантической структуры русского слова. Светское сознание снимает остроту этической оценки: в производных значениях светское сознание либо редуцирует этическое начало, либо отвлекается от него. Историческая значимость созданных Пушкиным контекстов определяется не эстетической ценностью возникающей поэтической действительности, а мерой повреждения семантической организации средневекового литературного языка.

Показателем изменяющегося сознания станет семантическая трансформация не каждого церковнославянского слова, а этически значимого, в котором отражается христианская мысль о различении добра и зла. Критерием выделения таких слов окажется значение, а не внешние, фонетические и морфологические церковнославянские приметы.

Вхождение в единое пространство создаваемой Пушкиным поэтической действительности образов, восходящих к античности, и образов, связанных с христианской культурой, — лишь условное проявление обмирщенного мировосприятия. Связь этих литературных образов с первообразами одинаково условна, и потому их взаимодействие, оставаясь фактом поэзии, не становится фактом литературного языка. Взятые из разных временных и мировоззренческих пластов истории человечества, они равно оказываются и показателями эрудиции автора, и шаблонности художественного мышления.

На изменение семантической организации русского слова окажет влияние не взаимодействие образов на композиционном уровне (*музы — духовник*), а линейное взаимодействие слов (*лукавый духовник, духовник муз*).

Более того. Не всякое, даже очевидное, кощунство влияет на изменение семантической структуры литературного языка:

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...

Принцип организации семантической структуры светского литературного языка. То, что в написанном в 1821 г. стихотворении Святой Дух, символически изображаемый в образе голубя, «первый русский поэт» называет *птичкой*, а Богочеловека — *сыном птички и Марии*, иначе как кощунство нельзя расценить. Но на изменение семантической структуры русского литературного языка повлияют не эти вызывающе скандальные выражения, а находящееся в пределах ближайшего контекста и кажущееся на первый взгляд гораздо более мягким проявлением кощунства перифрастическое наименование смерти — *пойти христосоваться в рай*. В этом перифразе сакральное значение христосования (троекратного целования и приветствия «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» в знак поздравления

с Пасхой, праздником победы над абсолютным злом — смертью) будет замещено смысловым антиподом. Кошунство, обнаруживающее себя на образном или сюжетном уровне (*с сыном птички и Мариш*), действенно лишь в пределах категории поэтического. Кошунство, укорененное на языковом уровне (*пойти христосовать в рай*), а значит, меняющее семантическую структуру высокого (сакрального слова), может выйти за пределы поэзии, войти в семантическую действительность литературного языка во всей его целостности и определять сознание всех носителей этого языка, а не только читателей поэта. Кошунство, проявляющееся на языковом уровне, задавая вектор смысловой трансформации некогда высокого слова, меняет принцип соотношения формы и значения в языке как таковом.

Это же стихотворение Пушкина (1821), обращенное к В.Л. Давыдову, даст нам примеры семантической трансформации предельно сакральных слов — «евхаристия», «воскресение», «причащение»:

Вот *евхаристия* другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!..
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

Контексты, формирующие этически нейтральные светские значения (евхаристия — ‘основное занятие, главное дело’, воскресение — ‘возвращение, повторение, возрождение’) первоначально сакрального слова или значения этически зеркальные (причаститься — ‘приобщиться к чему-то кровавому (восстанию, мятежу, революции)’), подорвут прежний принцип организации семантической структуры русского слова: знаком, который ранее связывался только с высоким значением, можно будет потенциально обозначать все что угодно: от нейтрального до низменного.

Заключение. В конечном счете в творчестве Пушкина будут семантически трансформированы все слова церковнославянского происхождения, определяющие смысловой центр христианства (имена Божии, именованья таинств, идеи воскресения, покаяния, причащения, спасения, апостольничества), и с изменившейся семантической структурой эти слова изменят принцип организации семантической структуры всего литературного языка. Независимо от того, будут ли потом возобновляться в текстах Пушкина или текстах других авторов первичные (сакральные) значения или нет, изменится ли мировоззрение самого автора или

сохранится, высокое значение перестанет быть единственным, а станет лишь одним из возможных значений некогда сакрального знака.

В творчестве первого русского поэта окончательно умрет средневековое слово. Разрушение средневекового принципа соотношения формы и содержания приведет к тому, что знак станет условным. Носитель такого языка будет непривольным «носителем» светского сознания.

Так все сказанное в свое время В.В. Виноградовым остается в силе: и то, что в произведениях Пушкина в одном контексте оказываются образы, генетически разных культур (языческой и христианской), и то, что образы библейские обращены в «кощунственные антитезы», и то, что лексические и конструктивные возможности церковнославянского языка стали использоваться для выражения дополнительных значений (от умиления и восхищения до иронии и сарказма) и для стилизации [3]. Но понимание того бесповоротного разрыва между средневековой организацией литературного языка и организацией «современного» русского литературного языка, предельной точкой которого станет литературная практика Пушкина, невозможно без различения в творчестве художника свершений, значимых для поэтики, и свершений, изменивших самый принцип семантической организации литературного языка, а значит, его мировоззренческие основания. Сакральный знак отрывается от сакрального значения, десакрализуется, становится условным, как становится условной всякая церковнославянская форма, извлекаемая новым сознанием из процесса смыслообразования и вовлекаемая в процессы стилизации и стилизации, внешнего подражания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Валентинова О.И.* «Житие протопопа Аввакума»: история русского литературного языка сквозь призму жанра жития. М., 2012.
- [2] *Валентинова О.И.* Причинные основания средневекового соотношения формы и содержания: *литургийная проповедь митрополита Илариона* // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 3. С. 5—17.
- [3] *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. М., 1935.
- [4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
- [5] Словарь русского языка в 4-х тт. М., 1985—1988.

THE ULTIMATE COLLAPSE OF THE HIGH IN PUSHKIN'S LITERARY EXPERIMENTS

O.I. Valentinova

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

In this article, the methodological bases of the conception of causal text typology developed by O.I. Valentinova as a means of tracing the change of consciousness as a result of the change of a relationship between the sign and the meaning are realized in the research of the empirical material which is of great significance for the understanding of Russian culture — historically new contexts emerging in Pushkin's literary experience. The algorithm of action proposed by the author leads to semiotically significant conclusions that the irreversibility of changes of consciousness is expressed in the change of the principle of organization of the semantic structure of the word, that the semantic structure of the language and word reflects a sharp reduction of the ethical basis in secular consciousness.

Key words: crash of the medieval word, sense transformation of the sacred sign, sense-changing contexts, breach of compatibility.

REFERENCES

- [1] Valentinova O.I. "Zhitie protopopa Avvakuma": istoriya russkogo literaturnogo yazyka skvoz prizmu zhanra zhitiya [Life of protopope Avvakum: History of Russian Literary Language from the point of biography genre]. — Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2012, 163 p.
- [2] Valentinova O.I. Prichinnye osnovaniya srednevekovogo printsipa sootnosheniya formy i sodержaniya: liturgiynaya propoved mitropolita Ilariona [Aetiological Arguments of the 'Form and Content Correlation' Mediaeval Principle: *Liturgy Sermon of Metropolitan Ilarion*]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Teoria yazyka. Semantika. Semiotika"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series «Theory of Language. Semiotics. Semantics»], 2013, no 4, pp. 5—17.
- [3] Vinogradov V.V. Yazyk Pushkina [Pushkin's language]. — Moscow: Academia, 1958, 439 p.
- [4] Dal V.I. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of living Russian language]. — Moscow, 1978.
- [5] Slovar russkogo yazyka v 4-h tomah [Dictionary of Russian language in 4 volumes]. — Moscow, 1985—1988.